
Мышкин, где все свои
Мышиный съезд
Сырная лавка
Вторая книга о маленьком городе, где все свои

Милана Панова

Мышкин, где все свои. Мышиный съезд

https://litres.ru/74779192
SelfPub; 2026

Аннотация

В Мышкине зима, и в город раз в пятьдесят лет съезжаются мыши со всего Верхневолжья: учёные из Кашина, речники из Рыбинска, артисты из Ярославля, гордецы из Углича и молчаливый ёжик из Мологи. Принимать триста гостей предстоит Варе, хозяйке сырной лавки и единственному человеку в городе, который понимает мышей.

А Степан тем временем готовит предложение. Тайно. Поэтому о нём знает весь Мышкин, кроме Вари, которая очень старательно делает вид, что ничего не знает.

Только вот кольцо, спрятанное за банкой липового мёда, мыши принимают за корону для председателя съезда. И если его не вернуть до Нового года, оно уедет в Углич на пятьдесят лет.

Ночная подмена, ледовая ярмарка, два Деда Мороза, свитер с рукавом длиной метр двадцать и самое главное «да» под ледяной аркой.

Вторая книга доброй и смешной истории о маленьком городе, где все свои.

Содержание

Глава 1. Письмо с сургучом и снежинкой 5
Глава 2. Гостиница «Под половицей» 11
Глава 3. Очень секретный размер 17
Глава 4. Свитер с лодкой 23
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Милана Панова
Мышкин, где все свои. Мышиный съезд

Мышкин, где все свои

Книга вторая. Мышиный съезд

Глава 1. Письмо с сургучом и снежинкой

Первый снег в Мышкине выпал ночью, без предупреждения, как выпадает всё самое приятное. Варя проснулась от тишины. Обычно по утрам за окном перекликались воробьи, кашлял мотор почтальонского велосипеда и тётя Люся через забор обсуждала с соседкой Галиной Ивановной цены на гречку. А тут было тихо, будто город накрыли ватным одеялом и попросили не шуметь.

Варя подошла к окну, отодвинула занавеску и ахнула. Успенская улица стала белой и чистой, как новая тетрадь. На крыше дома напротив лежала пушистая шапка, тюльпанов тёти Люси давно не было, зато на их месте стояли маленькие сугробы, ровные, как пирожные на витрине. По снегу от калитки к крыльцу лавки вела цепочка следов. Следы были огромные, сорок шестого размера, не меньше, и заканчивались у двери, где стояла корзинка, накрытая клетчатым полотенцем.

Варя улыбнулась. За полгода в Мышкине она так и не привыкла к этим корзинкам. Наверное, и не нужно было привыкать.

Она накинула пуховик прямо на пижаму, сунула ноги в валенки, купленные на рынке у бабушки, которая клялась,

что сама их катала, и вышла на крыльцо. В корзинке лежали горячие сырники и записка. Почерк был всё тот же, крупный и старательный.

«Снег идёт, и всё бело,
Даже лодку замело.
Я её откапывать пойду,
А сырники, вот, на ходу».

Варя прочитала стихи на морозе, засмеялась облачком пара и прижала записку к груди. Стихи Степана не становились лучше. Зато их становилось больше, и это было гораздо важнее.

С того сентябрьского вечера на пристани прошло два месяца. Всё это время Мышкин наблюдал за ними с таким вниманием, с каким дачники наблюдают за первым огурцом на грядке. Когда Степан впервые взял Варю за руку на набережной, об этом через час знала аптека. Когда он впервые остался у неё на ужин, тётя Люся наутро принесла пирог с капустой и сказала: «Это вам на двоих, а то он большой, ему одного пирога мало». Когда они поссорились из-за того, какой стороной класть в печку дрова, весь город три дня ходил встревоженный, пока почтальон Гена не доложил, что видел их у фонтана, «опять вместе и опять смеются».

Варя занесла сырники в дом, поставила чайник и только тогда заметила на прилавке ещё одну вещь. Маленький конверт размером с почтовую марку, запечатанный сургучом. На сургуче, кроме привычного колоска и сырной головки,

был оттиснут новый знак: крошечная снежинка. Ниже официальным почерком значилось: «Варваре Андреевне Ромашкиной. Дело государственной важности. Читать сидя».

Варя послушно села. Пинцет и лупа давно лежали у неё в ящике под кассой, рядом с запасными батарейками и рецептами Мыськи.

«Глубокоуважаемая Варвара Андреевна!

Мышиное городское собрание города Мышкина с волнением и гордостью извещает Вас о событии, которого наш город ожидал пятьдесят лет.

Решением Совета мышиных городов Верхневолжья очередной Большой Мышиный Съезд состоится в городе Мышкине с двадцать пятого декабря по первое января. Съезд собирается раз в полвека. Последний проходил в Кашине в тысяча девятьсот семьдесят шестом году и запомнился спором о том, можно ли считать плавленый сыр сыром. Спор не окончен.

Ожидается прибытие делегаций из одиннадцати городов. Общее число гостей составит около трёхсот мышей, не считая сопровождающих лиц, багажа и одного ёжика из Мологи, о котором мы ничего не знаем.

Просим Вас оказать собранию содействие в размещении, питании и культурной программе гостей. Также просим держать всё в строжайшей тайне от людей, кроме тех, кто и так всё знает, а таких, по нашим сведениям, двое: Вы и Ангелина Борисовна.

С совершеннейшим почтением и лёгкой паникой,

Голова Мышиного собрания А. Г. Хвостов».

Ниже, круглым торопливым почерком, Мыська приписала: «Деточка, у нас пять недель. Я не сплю с понедельника. Купите манку».

Варя положила письмо на прилавок и посмотрела в окно, на тихий белый город. Триста мышей. Один ёжик. Пять недель.

— Ну что ж, — сказала она чайнику. — Значит, будет весело.

Чайник засвистел, что Варя решила считать согласием.

Ближе к обеду пришёл Степан. Он долго топал на крыльце, сбивая снег с ботинок, вошёл, пригнувшись под притолокой, которую так и не научился проходить с первого раза, и принёс с собой запах мороза и реки. Борода у него была в инее, как у Деда Мороза, которому не досталось костюма.

— Лодку откопал, — доложил он. — Перевернул. До весны.

— Спасибо за сырники.

— Какие сырники? — удивился Степан с таким невинным лицом, что Варя прыснула. Эта игра у них не надоедала. Степан до сих пор делал вид, что корзинки появляются сами, а Варя до сих пор делала вид, что верит.

Он сел на свой стул у прилавка, который, после полугода ежедневных испытаний, уже даже не скрипел, а только тяжело вздыхал. Варя налила ему чаю. Степан пил, смотрел на

неё поверх кружки и молчал. Молчал он, как всегда, выразительно, но сегодня в его молчании было что-то новое. Он будто собирался что-то сказать, открывал рот, закрывал его, снова открывал и в итоге говорил совсем не то.

— Снег хороший, — сказал он наконец.

— Хороший, — согласилась Варя.

— Лёгкий.

— Очень.

— Я пойду, — сказал Степан, поднимаясь. — Дел много. Это… до вечера.

Он ушёл, едва не сбив головой колокольчик над дверью. Варя проводила его взглядом и пожала плечами. За полгода она изучила Степана довольно хорошо и знала, что если он о чём-то думает, то думает долго, основательно, как кладёт печь, кирпич за кирпичом. Рано или поздно печь будет готова. Торопить его бесполезно.

Из-за банки с мёдом выбрался Тихон. Он заметно подрос за осень и теперь важно носил крошечный шарф, связанный бабушкой Мыськой из нитки от Вариного свитера. Нитку Варя, по просьбе Мыськи, выдернула сама, и теперь у свитера на левом рукаве была дырочка, но Варя считала, что шарф того стоил.

— Вы уже прочитали? — выпалил Тихон. — Про Съезд? Дедушка с утра репетирует речь. Он начал в шесть. Бабушка сказала, что если он будет репетировать и в семь, она уйдёт жить к Генералу.

— А что, к Генералу можно?

— У него тепло, — серьёзно сказал Тихон. — Он же большой.

Варя засмеялась и подставила ладонь. Тихон забрался на неё, потом на плечо и привычно устроился у воротника.

— Тихон, — сказала Варя, — а что это со Степаном? Он какой-то странный сегодня.

Тихон замер. Потом очень медленно, очень старательно стал разглядывать потолок.

— Не знаю, — сказал он. — Я с утра был на репетиции у дедушки. Ничего не видел. Ничего не слышал. Совсем ничего. Абсолютно.

— Тихон.

— Я пойду помогу бабушке, — сказал мышонок, торопливо спускаясь по рукаву. — Ей манку надо… перебирать. Каждую крупинку. Это долго.

И исчез под плинтусом быстрее, чем Варя успела задать следующий вопрос.

Варя постояла посреди лавки, переводя взгляд с плинтуса на дверь, за которой скрылся Степан, и обратно. Потом решила, что у неё нет времени на загадки. У неё есть пять недель, триста гостей, ёжик из Мологи и манка, которую ещё надо купить.

Но маленькая загадка всё равно поселилась у неё где-то в уголке, рядом с сердцем. И тихонько там шуршала, как мышь под полом старого дома.

Глава 2. Гостиница «Под половицей»

Подготовка к Съезду началась в тот же вечер, на расширенном заседании в погребе. Варя спустилась по крутым ступенькам с термосом какао и коробкой печенья и обнаружила, что погреб изменился до неузнаваемости. Посередине, на сундуке, лежала огромная карта Мышкина, нарисованная на обороте старого календаря за девяносто восьмой год. На карте красными точками были отмечены все погреба, подвалы, чердаки и запечные углы города, а синими стрелочками маршруты от пристани к ним. На полках вокруг вместо зрителей сидели комиссии: по размещению, по питанию, по культурной программе, по встрече гостей и отдельно комиссия по ёжику.

Аполлинарий Гаврилович стоял у карты с указкой, сделанной из зубочистки, и выглядел как полководец накануне решающей битвы.

— Варвара Андреевна, — торжественно сказал он, — вы вовремя. Мы как раз обсуждаем самый острый вопрос.

— Какой?

— Где поселить угличскую делегацию, — мрачно сообщила Мыська из первого ряда. — Так, чтобы им было хорошо, но не слишком.

Оказалось, что вопрос размещения был не просто острым, а дипломатическим. Каждая делегация имела свои привычки и свои требования, и Кузьма, ответственный за переписку, зачитал их вслух, поправив медаль.

Кашинские учёные мыши просили тихое помещение с книгами и запретом на хоровое пение после девяти вечера. Рыбинские речные мыши, наоборот, просили помещение поближе к воде и разрешение петь когда угодно, потому что «у речников так принято». Ярославская делегация, состоявшая преимущественно из мышей Волковского театра, просила сцену, гримёрку и чтобы к ним обращались исключительно по имени-отчеству. Ростовская делегация просила ничего особенного, только чтобы рядом не было угличской. Угличская делегация просила лучшее помещение в городе, с видом на Волгу, отдельным входом и подачей завтрака в постель.

— В постель, — повторила Мыська с выражением глубочайшего презрения. — Завтрак. У них там что, своих лап нет?

— Это традиция, Мыська, — примирительно сказал Аполлинарий Гаврилович. — Угличские мыши живут в кремле. Они привыкли.

— В кремле, — фыркнула Мыська. — Под кремлём. В подвале. Кремль, деточка, у них над головой, а не в голове.

Варя, которая всё это время пыталась разобраться в карте, вдруг подняла руку.

— А сколько всего места нужно? — спросила она.

Комиссия по размещению, состоявшая из трёх пожилых мышей в одинаковых серых жилетах, долго совещалась и наконец объявила, что для трёхсот гостей с багажом требуется примерно сорок спальных мест, двенадцать столовых, три зала для заседаний и одно помещение для ёжика, размеры которого неизвестны.

— А у нас? — спросила Варя.

— У нас, — вздохнул Аполлинарий Гаврилович, — помещений хватает на половину. Остальные чердаки заняты. На одном зимует дядя Феофан, на другом сушатся грибы купчихи Сорокиной, на третьем живёт сова, с которой мы не разговариваем по историческим причинам.

В погребе повисла тишина. Тихон, сидевший на краю сундука, болтал ногами и смотрел на Варю с надеждой. Варя посмотрела на потолок погреба, над которым находилась её лавка. Потом на стены. Потом на люк. Потом подумала про второй этаж, где у неё было две комнаты, одна из которых, маленькая, до сих пор стояла пустой, если не считать коробок с летними вещами, гитарного чехла и фикуса Аркадия.

— У меня есть комната, — медленно сказала она. — Наверху. Пустая. Ну, почти.

Погреб замер. Аполлинарий Гаврилович снял очки-бусины, протёр их и надел обратно, как будто не доверял собственному слуху.

— Вы предлагаете… разместить делегатов в человече-

ском жилище?

— А почему нет? Я же своя.

Комиссия по размещению переглянулась. Мыська вытерла глаз уголком фартука. Тихон подпрыгнул так высоко, что чуть не упал с сундука.

— Варвара Андреевна, — сказал голова собрания дрогнувшим голосом, — за двести лет ни один человек не открывал нам свой дом. Мы, конечно, жили во многих человеческих домах. Но нас туда никто не приглашал. Это… это исторический момент. Евлампия, запишите в протокол.

Евлампия, сидевшая в стороне с пером и крошечной книгой протоколов, записала. Варя видела, как она старательно выводит буквы: «Варвара Андреевна Ромашкина пригласила. Сама. Без просьб».

Следующие две недели Варя превращала маленькую комнату на втором этаже в мышиную гостиницу. Работа оказалась увлекательнее любого ремонта. Мыська составила список требований, и Варя выполняла его по пунктам, как поваренную книгу.

Вдоль стен она расставила книжные полки, купленные на барахолке у пристани, и мыши превратили каждую полку в этаж с отдельными номерами. Перегородками служили спичечные коробки, кровати сделали из пустых катушек от ниток, а матрасы из кусочков ваты, обшитых ситцем. Тётя Люся, ничего не подозревая, отдала Варе целый мешок лоскутков, оставшихся от лоскутного одеяла, которое она шила

внучке к свадьбе. «Зачем тебе, Варенька?» — спросила она. «Буду шить игольницы», — ответила Варя и пообещала себе потом обязательно сшить хоть одну.

Дядя Коля, которого Варя попросила сделать «маленькую деревянную лестницу, примерно с ладонь, только много», молча выслушал заказ, кивнул и через три дня принёс двенадцать лесенок, каждая с перилами. Перила были гладкие, отшлифованные, без единой занозы. Варя расставила их между полками, и гостиница стала похожа на кукольный дом, в котором кто-то очень любящий продумал каждую мелочь.

— Николай Иванович, — сказала Варя, расплачиваясь, — вы ведь знаете, для кого это?

Дядя Коля посмотрел на неё долгим взглядом. Потом на лесенки. Потом на плинтус.

— Для игольниц, — сказал он и ушёл, оставив Варю гадать, шутит он или нет. С дядей Колей этого никогда нельзя было понять наверняка.

Угличскую делегацию поселили на верхней полке, у окна. Отсюда, если встать на цыпочки, была видна Волга. Номер назвали «Кремлёвский», и Мыська лично повесила на дверь табличку, которую написала каллиграфическим почерком, хотя всю работу ворчала, что «для этих задавак и газеты на дверь хватило бы». Кашинских учёных поселили в нижнем ярусе, подальше от окна, поближе к Вариной книжной полке, где стояли ноты, сборник романсов и три детектива. Рыбинских речников поселили в бывшей ванночке для рассады,

к которой Варя приделала маленький фонтанчик из аквариумного насоса. Речники, как обещал Кузьма, должны были оценить.

Для ёжика из Мологи Варя освободила нижнюю полку целиком и положила туда старую шапку-ушанку. Комиссия по ёжику осмотрела ушанку, одобрила её единогласно и попросила только убрать изнутри булавку.

Над дверью гостиницы Тихон повесил вывеску, которую сам придумал и сам написал: «Гостиница “Под половицей”. Добро пожаловать. Котов не пускаем. Генерала пускаем». Слово «Генерала» было подчёркнуто дважды.

Когда всё было готово, Варя постояла в дверях, разглядывая крошечные номера, лесенки, ситцевые матрасы и табличку на «Кремлёвском». В комнате пахло деревом, сушёной лавандой и немного манкой. Пустая комната, которая полгода ждала неизвестно чего, вдруг оказалась самой уютной в доме.

— Нравится? — спросил Тихон, сидевший у неё на плече.

— Очень, — сказала Варя. — Я бы сама тут пожила.

— Вам будет тесно, — рассудительно заметил Тихон. — Но для вас мы можем выделить ушанку. Если ёжик не приедет.

Глава 3. Очень секретный размер

Пока Варя обустраивала мышиную гостиницу, в Мышкине происходило что-то странное. Она замечала это урывками, как замечают сквозняк: то тут потянет, то там.

Сначала странно повела себя аптекарша Римма Львовна. Варя зашла к ней за пластырем, и Римма Львовна, отсчитывая сдачу, вдруг взяла её за руку, посмотрела на безымянный палец и сказала задумчиво: «Тонкие у вас пальчики, Варвара Андреевна. Как у пианистки». Варя ответила, что она и есть пианистка, в каком-то смысле. Римма Львовна покивала, как будто узнала что-то важное, и подарила ей бесплатно баночку крема для рук.

Потом странно повёл себя почтальон Гена. Он принёс газету, а вместе с газетой моток бечёвки и попросил Варю «просто подержать вот так, на пальце, для эксперимента». Варя подержала. Гена обмотал бечёвку вокруг её пальца, отметил место узелком, сказал «спасибо, очень помогли науке» и убежал, забыв на прилавке свою бейсболку.

Потом странно повела себя Анна Сергеевна. Её первоклассники пришли в лавку всем классом с рисунками, и каждый ребёнок попросил Варю приложить ладонь к листу бумаги, чтобы обвести. «Это для выставки, — объяснила Анна Сергеевна. — Называется “Руки, которые нас кормят”». Дети обводили Варину ладонь старательно, высунув язы-

ки, а одна девочка, Соня, обвела только безымянный палец, несколько раз, очень жирно, и подписала сбоку печатными буквами: «ВОТ ЭТОТ».

Анна Сергеевна покраснела и быстро забрала Сонин рисунок.

Варя ничего не понимала. Она чувствовала себя героиней спектакля, в котором все актёры получили сценарий, а ей забыли его выдать.

Объяснение нашлось у тёти Люси. Вернее, не у самой тёти Люси, а в том, что тётя Люся сказала Варе в четверг, когда пришла за своими привычными ста граммами российского.

— Варенька, — сказала она, задумчиво разглядывая витрину, — а ты какой камушек любишь? Красненький или синенький?

— Для чего камушек? — удивилась Варя.

Тётя Люся вздрогнула, как будто её застали за подглядыванием в бинокль, хотя в этом её заставали регулярно, и замахала руками.

— Ни для чего! Просто. Для общего развития. Я вот красненький люблю. Гранат. А ты?

— Не знаю. Мне никогда не дарили камушков.

— Подарят, — уверенно сказала тётя Люся. Тут же испугалась собственных слов, схватила сыр, забыла заплатить, вернулась, заплатила дважды и ушла.

Варя смотрела ей вслед и медленно складывала два и два. Аптекарша, разглядывавшая её пальцы. Почтальон с бечёв-

кой. Дети, обводившие безымянный палец. Тётя Люся с камушками.

Два и два складывались в четыре так очевидно, что Варя села на стул для посетителей. Стул вздохнул по привычке, хотя Варя весила втрое меньше Степана.

Секрет был раскрыт. Но Варя тут же поняла, что раскрывать его нельзя. Если Степан узнает, что весь Мышкин знает, а значит, знает и она, он расстроится. Он так старательно всё готовил. Он, наверное, думал, что сделает всё тихо и незаметно. Бедный Степан. Он прожил в Мышкине всю жизнь и до сих пор не понял, что в этом городе можно сделать незаметно только одно: ничего.

Вечером Варя устроила Тихону допрос.

Допрос проходил на подоконнике, за чашкой какао, налитой в напёрсток. Тихон держался стойко первые три минуты. Потом Варя сказала: «Тихон, я всё знаю», и мышонок обмяк, как воздушный шарик после праздника.

— Это не я, — простонал он. — Честное мышиное. Это тётя Люся. Он пошёл к ней спросить. Он думал, она не скажет. Он сказал ей: «Тётя Люся, только никому». А она сказала: «Степа, ты что, меня не знаешь». И он подумал, что это значит «не скажу». А это значило…

— …«скажу всем», — закончила Варя.

— Всем, — горестно подтвердил Тихон. — Через полчаса знала аптека. Через час знала почта. К вечеру знала школа. Сейчас не знает только Генерал, и то потому, что он спит с

понедельника.

— А что Степан у неё спрашивал?

— Размер, — прошептал Тихон. — Вашего пальца. Он не знал, как узнать. Хотел ночью, пока вы спите, обмерить ниточкой. Но побоялся, что вы проснётесь и испугаетесь, что в доме большой бородатый мужчина с ниточкой. Тогда пошёл к тёте Люсе, потому что она всё про всех знает. А она про ваш палец не знала. Это был первый раз в её жизни, когда она чего-то не знала. Ей стало так стыдно, что она подняла весь город.

Варя закрыла лицо руками и засмеялась так, что какао в напёрстке пошло рябью.

— И что, узнали?

— Узнали, — с достоинством сказал Тихон. — Три раза. У аптекарши получился шестнадцать с половиной. У Гены получился семнадцать. У первоклассников получилось от пятнадцати до двадцати двух, потому что Федя Смирнов обвёл вместе с ногтем и немножко со столом. Тётя Люся всё сложила, поделила и вывела средний. Она сказала, что так делают в науке.

— А мыши? Мыши знали?

Тихон отвёл глаза.

— Мыши знали всё с самого начала, — признался он. — Бабушка Мыська измерила ваш палец в первую же неделю, когда вы только приехали. Ниточкой, пока вы спали. Она всем меряет. Привычка. Она говорит, хозяйка должна знать

размеры всех, кто живёт в доме, на случай, если придётся вязать варежки.

— Значит, Мыська знает точно?

— Шестнадцать и три четверти, — без запинки сказал Тихон. — Но мы не можем сказать Степану. Он нас не слышит.

Варя задумалась, глядя в окно, на падающий снег. Где-то за пеленой снега, у реки, в своём доме Степан, наверное, сейчас сидел над тетрадкой в клеточку, рисовал кольца и вычёркивал рифмы. Ей стало его так жалко и так тепло на душе одновременно, что она чуть не пошла к нему прямо сейчас, в пижаме и валенках.

Но не пошла. Человек, который месяц искал рифму к слову «удачу», заслуживает того, чтобы всё сделать самому. Она это уже решила однажды, летом, в лодке, и решение до сих пор казалось ей правильным.

— Тихон, — сказала она. — Давай договоримся. Я ничего не знаю.

— Вы ничего не знаете, — с облегчением повторил Тихон.

— И весь город пусть думает, что я ничего не знаю.

— Весь город так и думает, — заверил её Тихон. — Они уверены, что у них прекрасно получается. Тётя Люся вчера на рынке сказала, что вы «наивная, как телёнок, и это очень хорошо».

— Спасибо тёте Люсе, — сказала Варя.

— А ещё, — понизив голос, добавил Тихон, — если хотите знать, кольцо он уже купил. В Ярославле. В прошлый

вторник ездил на автобусе. Камушек синенький.

Варя подумала, что синенький, пожалуй, ей нравится больше, чем красненький. Но вслух ничего не сказала, потому что ничего не знала.

Глава 4. Свитер с лодкой

У Вари тоже появилась тайна. Она появилась внезапно, ночью, когда Варя лежала в темноте и думала о синем камушке. Было бы нечестно, решила она, если бы подарок готовил только он. На Новый год у Степана тоже должно быть что-то особенное, сделанное своими руками. Как его корзинки, как его стихи, как его носки с мышками, одна из которых так и осталась без хвоста.

Варя решила связать ему свитер.

Решение было прекрасное во всём, кроме одного: Варя не умела вязать. Совсем. В детстве бабушка пыталась научить её делать петли, но через полчаса обнаружила, что внучка сплела из шерсти нечто, похожее на гнездо, и запутала в нём собственный палец, кота и ножку табуретки. С тех пор Варя к спицам не прикасалась.

Учиться у тёти Люси было нельзя. Тётя Люся вязала прекрасно, но если бы она узнала про свитер, через полчаса о нём знала бы аптека, а через час Степан. Учиться у Анны Сергеевны было рискованно. Анна Сергеевна была надёжной, но её первоклассники имели привычку пересказывать родителям всё, что видели, а их родители имели привычку пересказывать всё тёте Люсе.

Оставалась Мыська.

— Свитер? — переспросила Мыська, когда Варя изложи-

ла ей суть дела. Мыська сидела на прилавке и перебирала манку для Съезда, и при слове «свитер» отложила крупинку в сторону. — Степану? Деточка, ты видела, какой он большой?

— Видела.

— На него шерсти уйдёт, как на трёх овец. А вязать ты умеешь?

— Нет.

Мыська посмотрела на Варю долгим взглядом. Потом на свои лапки. Потом снова на Варю. Потом вздохнула так, как вздыхают учителя первого сентября.

— Неси спицы, — сказала она. — Только толстые. И шерсть серую, чтобы ошибок не было видно.

Уроки проходили по ночам, после закрытия лавки, в кухне на втором этаже, за плотно задёрнутыми шторами. Мыська сидела на столе рядом со спицами и руководила. Своих спиц у неё не было, точнее, были, но размером с иголку для шитья, и ими она вязала варежки для мышат. Поэтому Мыська показывала движения на зубочистках, а Варя повторяла их на настоящих спицах.

— Набираешь петлю, — командовала Мыська. — Вот так. Не дёргай. Шерсть любит ласку, как тесто. Теперь лицевая. Нет, деточка, это не лицевая. Это не знаю что. Распускай.

Варя распускала. За первую неделю она распустила столько раз, что шерсть стала мягкой, как пух, и Мыська заметила, что из такой шерсти вязать даже лучше, «потому что она

уже ко всему готова».

На второй неделе дело пошло. Петли ложились ровнее, ряды росли, и Варя с удивлением обнаружила, что вязание похоже на музыку. Лицевая, изнаночная, лицевая, изнаночная, как сильная и слабая доли в такте. Если считать вслух, петли не убегали. Варя начала считать, потом начала напевать, и через какое-то время поняла, что вяжет под «Амурские волны», которые когда-то играл резной кот с баяном. Ряды под вальс выходили особенно ровные.

— Вот, — довольно сказала Мыська, заглянув в работу. — Теперь у тебя руки думают сами. Это главное. Голова в вязании только мешает.

Свитер Варя задумала с узором. На груди должна была быть лодка. Не просто лодка, а Степанова, с вёслами и маленьким флажком на корме. Мыська нарисовала схему на клетчатой бумажке, где каждая клеточка была одной петлёй, и Варя повесила её на холодильник, а потом спохватилась и спрятала за хлебницу, потому что Степан заходил на кухню.

Он заходил часто. Он приходил по вечерам, садился за стол и пил чай, и Варя каждый раз в панике заталкивала вязание под диванную подушку, в ящик с ложками, в духовку, один раз даже в пакет с мукой. Мука потом долго сыпалась из петель, как снег.

— А что это у тебя? — спросил однажды Степан, кивнув на клубок серой шерсти, выкатившийся из-под буфета.

— Это? — Варя застыла. — Это для мышей.

Она сказала это машинально, просто первое, что пришло в голову, и только потом поняла, что сказала правду наполовину: шерсть действительно лежала там, куда её спрятала Мыська.

— Для мышей, — повторил Степан задумчиво. — Гнёзда вить?

— Ага.

— Добрая ты, — сказал Степан и потрепал её по голове, как будто она сделала что-то очень хорошее. — Мыши у тебя, наверное, самые тёплые в Мышкине.

Мыська, сидевшая в этот момент за сахарницей, чуть не свалилась от смеха.

К середине декабря у Вари было готово полсвитера. Точнее, спина и половина переда. Лодка получилась немного кривая, а флажок на корме больше походил на вопросительный знак, но Мыська сказала, что так даже лучше, «потому что у живых лодок всегда есть вопросы». Оставались рукава.

С рукавами вышла история.

Варя вязала их по ночам, торопилась, сбивалась со счёта и снова начинала. Мыська, утомлённая подготовкой к Съезду, однажды задремала прямо на столе, свернувшись в клубке, и Варя довязала первый рукав без контроля. Утром она с гордостью развернула работу и приложила рукав к спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.